

18+

Вадим Сазонов

Маленькая страна

Вадим Сазонов
Маленькая страна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609045

ISBN 9785006282070

Аннотация

Повесть о жизни комиссара полиции одной из стран Европы. Действия повести происходят в наши дни и в годы Второй мировой войны.

Содержание

Глава 1. Погасшая звезда	5
Глава 2. Полтергейст	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маленькая страна

Вадим Сазонов

© Вадим Сазонов, 2024

ISBN 978-5-0062-8207-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Погасшая звезда

Очередной спокойный рабочий день приблизился к концу.

Я встал из кресла, подошел к шкафу, достал плащ.

В этот момент дверь, отделявшая мой кабинет от комнаты инспекторов, приоткрылась, в проеме показалась голова Германа:

– Шеф, поступил сигнал о стрельбе в районе вилл у реки.

– И?

– Мы поехали.

– А почему не наряд?

– Ну, есть же распоряжение, – Герман закатил глаза к потолку, – в тот район обычные наряды стараться не отправлять.

Я просунул руку в правый рукав плаща:

– Хорошо. Поезжайте, осмотритесь там. Завтра доложишь. А точный адрес есть, где стреляли?

– Да. Вилла «Дом над водопадом», – сверился Герман с бумажкой, которую держал в руках.

Я так и замер с надетым на одно плечо плащом.

– Шеф, хорошего вечера. До завтра.

Дверь уже начала закрываться, но я схватился за нее левой рукой, втягивая Германа назад в кабинет:

– Я с вами. Я на своей машине, встречаемся у виллы.

– Да ладно, шеф, там, может, и нет ничего. Звонил какой-то мужик, не представился. Вполне может быть пьяной шуткой. Не портите себе вечер, мы с Артуром управимся. Если хотите, позвоню вам сегодня, оттуда.

– Нет, я еду.

***

На улицах города уже было плотное вечернее движение. Когда я добрался до района, который в народе назывался «виллы над рекой», начало смеркаться.

Я остановился напротив давно знакомых ворот, вышел.

Герман с Артуром уже поджидали меня.

– Вроде все тихо, шеф, – пожал плечами Герман, осматривая пустынную улицу.

Я заглянул сквозь прутья решетки на дом.

Ничего необычного. В гостиной горел свет, во дворе не души, тишина, был еле слышен звук водопада.

Этот район не любил шума. Здесь даже казалось, что колеса машин шуршали по асфальту тише, чем в других частях города. Здешняя респектабельная публика не терпела нарушения собственного покоя. Звуки выстрелов никак не вязались с окружающей обстановкой. Конечно, тут жили не ангелы, но они решали свои вопросы не путем стрельбы или шума. Все всегда тихо, пристойно, с соблюдением всех приличий, но если копнуть глубже, то, может, захочется и стре-

лять.

Пока мы осматривались, за нашими спинами послышались неспешные шаги:

– Господа, я надеялся, вы поспеете поскорее.

Я оглянулся.

К нам направлялся Эрик Лурье собственной персоной – знаменитый не только в пределах нашего города, но и во всей Маленькой стране адвокат. Когда-то мы с ним учились на одном курсе, но дружны не были. Мы даже чаще стали встречаться не во время учебы, а когда я пришел в полицию.

Он плыл, с гордостью неся в нашу сторону свое объемное тело, помахал рукой:

– О! Комиссар, вы сообразовали сами явиться на такой сомнительный вызов, – язвительно ухмыльнулся он.

– Эрик, можешь не так официально.

– Как скажешь, как скажешь, Вадим. Я уже минут двадцать вас тут поджидаю.

– Ты нас ждешь?

– Да, я получил звонок от неизвестного. Он сказал, что на вилле были выстрелы. А, кроме того, сказал, что звонил в полицию, и эта самая полиция уже мчится сюда. Я неспешно приехал и ждал мчавшуюся полицию.

– Мне все это начинает напоминать «мыльную оперу»! Тебе-то что здесь надо? – спросил я.

– Видишь ли, уважаемый Вадим, собственница этого прекрасного дома – моя клиентка. И не просто клиентка. Я и ее,

как это называется, душеприказчик. Если что-то все же случилось, и это не просто глупый розыгрыш, то у меня есть четкие указания клиентки, как я должен поступать в таком случае.

– В каком случае?

– В трагическом, Вадим, в трагическом. Ничего личного, только исполнение воли клиентки.

– Посвятишь в детали этой воли?

– Нет, – он состроил презрительную гримасу. – Только если для этого откроются подобающие обстоятельства. Вы так и будете стоять? Может, все же проверите поступивший сигнал?

– Тебя не удивляет, что сигнал поступил и тебе?

– Нет. Меня уже давно в этом мире ничто не удивляет. А ты удивлен?

– По-моему, все это пахнет бредом.

Я двинулся к воротам.

Нажал кнопку звонка, одновременно толкнув калитку, которая послушно распахнулась.

– Эрик, – повернулся я к адвокату, – мы вступаем в пределы частной собственности, потому что получили сигнал о возможно совершенном здесь преступлении.

– Валяйте, валяйте, – ответил он, – я не планирую подавать на вас иск за эту вольность.

Мы прошли через двор и поднялись на крыльцо, которое больше напоминало террасу – стол, несколько кресел, горш-

ки с цветами, вьющийся плющ.

Я нажал кнопку звонка, в доме пропела веселая трель и больше ничего. Я нажал еще раз, внутри никакой реакции.

– Будем взламывать? – спросил Герман.

– Придется, – вздохнул я.

– Нет причин, – вмешался Эрик, – у меня есть ключ и у меня есть генеральная доверенность на распоряжение всем имуществом мадам Лингерн. Так что, господа, позвольте, – он протиснулся между нами, попытался вставить ключ в замочную скважину, но под его давлением дверь с тихим скрипом начала открываться.

Я по привычке просунул руку подмышку, расстегнул кобуру, снял пистолет с предохранителя, но доставать не стал, Герман же с Артуром вынули оружие и тихо просочились сквозь приоткрытую дверь внутрь дома. Я шагнул за ними, предупредив Эрика:

– Не торопись.

В доме было тихо, ни звука, ни шороха.

Артур свернул налево – на кухню, Герман – направо, к дверям в гараж, а я прошел в гостиную.

Марта лежала на диване, откинувшись на подушки.

Она выглядела, будто только что вернулась с официального прима – безупречная прическа, обтягивающее вечернее платье, изящные шелковые перчатки почти до локтя, туфли на шпильке, все портило кровавое пятно под отверстием от пули на платье в области сердца.

Я подошел ближе.

Совершил простую арифметическую операцию, вспомнив дату ее рождения – ей скоро должно было бы исполниться семьдесят восемь.

Сквозь толстый слой грима и пудры на носу и щеках проступали какие-то язвы, их похоже было ничем не замазать, не скрыть. Удивительно, всего две недели назад я смотрел по телевизору ее ежемесячную программу «Суть искусства», на лице ничего не было заметно.

Не спросившись, в памяти всплыло давнее воспоминание. Мне было лет пятнадцать-шестнадцать, мы с приятелями после школы отправились в кинотеатр на фильм, про который все тогда говорили. В главной роли была Марта Лингерн, я ее тогда увидел впервые, увидел, и на этом кончилась моя спокойная жизнь. Я не спал всю ночь, на следующий день опять пошел в тот же кинотеатр на два сеанса подряд, я начал скупать журналы с ее фотографиями, прорывался на спектакли в театре нашего города, если играла она, смотрел все картины, в которых она снималась, хотя бы в эпизоде. Но таковых было мало, она тогда уже была звездой, режиссеры дрались лишь бы заполучить ее в свой фильм только на главные роли.

С тех пор прошло сорок лет, а так никто и не смог ее затмить на актерском небосклоне нашей страны, она всю жизнь сумела остаться звездой номер один.

В комнату вошли мои инспекторы, за ними появился и Эрик:

– Ну что ж, господа, в этих обстоятельствах вступает в силу последняя воля моей клиентки.

– Эрик, ты бы вышел. Это помещение с большой долей вероятности является местом преступления, – тяжело вздохнув, повернулся я к адвокату. – Что там за воля?

– Вадим, прошу отнестись с полной серьезностью. Я никак не хочу мешать вашему расследованию. Но, хочу предупредить, что я имею все основания требовать от вас соблюдения следующих условий: никакой прессы, тело после ваших исследований будет забрано фирмой «Митбрерг и Ко». Моя клиентка заранее заключила с ними договор, все оговорила и оплатила. Похороны будут готовить они. Вадим, никаких журналистов. У вас же есть тайна следствия, вот и соблюдайте ее. Если вам нужны понятые, то у меня в машине, совершенно случайно, сидят два моих помощника. Они готовы стать понятыми. Никаких посторонних глаз. Я прошу. Это просит Марта Лингерн. Вадим, ты должен выполнить ее последнюю волю, именно ты. Это очень хорошо, что ты приехал.

– Эрик, успокойся, я не собираюсь созывать тут пресс-конференцию. Герман, вызывай экспертов, а пока осматривайте все внимательно. Гильзы, следы. Эрик выйди из дома, ты мешаешь. Давайте, ребята, не теряйте времени.

Я опять посмотрел на труп, наклонился, что-то привлек-

ло внимание, удивительно, на правой руке ее перчатка была не до конца натянута на мизинец, безымянный и средний палец. Очень непохоже на Марту.

– Шеф, тут след от пули, – отвлек меня Артур, – смотрите.

Красного дерева спинка дивана была расщеплена, если предположить, что и этот выстрел был сделан с той же стороны, что и смертельный, то пуля должна быть в стене возле рояля. Я прошел туда, да, вот пулевое отверстие в обоях:

– Герман, извлекай пулю. Я осмотрю дом.

Пошел к лестнице.

За последние двадцать пять лет здесь все сильно изменилось – обои, обстановка, даже некоторые картины на стенах, но планировка была та же.

Я привычно шел по знакомым коридорам второго этажа, свернул в спальню, пересек ее и, включив свет, вошел в камеру без окон, сел в кресло, включил монитор, пощелкал кнопками и начал в ускоренном режиме просматривать видеозаписи за сегодняшний день.

Экран монитора был поделен на четыре сектора для четырех камер. Одна на фасаде, две на боковых стенах, четвертая показывала задний двор. Там на обрыве над рекой располагалась летняя гостиная. Именно под ней в русле были созданы искусственные пороги, так, чтобы гости могли наслаждаться во время ужина или обеда звуком водопада.

Но события за сегодня происходили только перед фасадом.

Утро. Приехал посыльный, привез продукты, поставил пакеты на стол на террасе, взял оставленные там деньги, уехал. К полудню пришла какая-то женщина, проверила продукты в пакетах, скрылась в доме. Опять появилась через пару часов, ушла. Около четырех на террасу вышла Марта, в обычной домашней одежде – джинсы, блузка, босоножки, села в кресло. На лице зияли ничем не прикрытые жуткие язвы. Сидела около получаса, встала, ушла в дом.

А через час пришел он.

Я его сразу узнал, хотя он шел сторбившись, надвинув на глаза шляпу, лицо было скрыто, но мне даже не пришлось замедлять темп записи, чтобы узнать его.

Он вышел из дома через полтора часа и направился к воротам. Я посмотрел на время записи – звонок в полицию поступил через пятнадцать минут после его ухода.

Отмотал запись назад минут на двадцать, включил нормальный темп, чтобы можно было прослушивать звуковую дорожку.

Первый выстрел прозвучал почти сразу, а второй за семь минут до того, как он вышел из дома.

Я встал, вынул флэшку с записью, выключил все оборудование, пусть думают, что пожилая женщина не пользовалась видеозаписью, спустился в гостиную.

Там уже орудовал наш эксперт.

– Привет, Жюль, – приветствовал я его. – Что скажешь?

– Комиссар, все очень предварительно, очень. Смерть

от пулевого ранения, примерно, пару часов назад. Стреляли в упор, все платье в порохе.

– Убийство, самоубийство?

– Скорее всего, убийство. Во-первых, оружия нет, во-вторых, на ее перчатках нет следов пороха. Все чисто.

– Удивляюсь, – вмешался Герман, – стреляет в упор и сначала мажет? Что за бред? Может он ее пугал сначала, а потом пристрелил? Следов обыска нет, все вроде на местах. Хотя, по моему опыту, в таких домах можно взять какую-то мелочь и обеспечить себя на всю жизнь.

– Продолжайте, я домой. Завтра все обсудим, – я направился к двери.

– Вадим, Вадим, – окликнул меня Эрик, сидевший в кресле возле рояля, – предупреди своих о том, что я просил.

– Не волнуйся. Все будет как надо, – и я вышел.

***

Ехать было недалеко.

Серж жил в том же конце города.

Ехал я медленно, хотелось подумать, сосредоточиться перед разговором, но мысли убежали в сторону.

Вот и еще одна могила добавится, на которую я, скорее всего, буду порой приходить.

Много их уже, но не на все легко прийти. Разбросаны они по Европе.

Когда-то в начале двадцатого века, в восемнадцатом году, эмигрировали из России две семьи. Одна – профессора-физика из Петрограда, вторая – священника из Томска. Они так бы там в России никогда и не пересеклись, а попав на землю французскую, встретились. Нет не сами профессор и священник, а их дети. Встретились и уже не расставались, явив на свет моего отца. Отец переехал из Франции в Маленькую страну, потому что получил предложение от одного из здешних Университетов. На одной из международных конференций познакомился он с веселой девушкой из Голландии, которая прекрасно знала русский и работала переводчицей для собравшихся многонациональных ученых. После чего уже появился я – наполовину русский, наполовину голландец.

Где-то там, в России, в разных городах есть могилы моих более давних предков, туда я вряд ли доберусь, во Франции прадеды по линии отца, это недалеко – несколько часов на машине, в Голландии по линии мамы, в Лондоне, куда под конец жизни перебрался дед – его могила.

Здесь в Маленькой стране могила моих родителей, на кладбище на скалистом берегу огромного озера, которым так гордится наш город и страна.

И вот очередная могила.

А теперь еще и встреча с Сержем, которого я знал с детства, потому что он был старым другом моего отца. Серж учил меня игре в шахматы, но самое главное – он, будучи

всемирно известным скульптором, учил меня лепить из пластилина. Вряд ли кто-то может похвастаться в этом занятии таким учителем.

Я и сейчас порой возвращаюсь в свободное время к тому детскому увлечению. У меня в кабинете на застекленных полках расставлено много пластилиновых фигурок.

Моя судьба потом еще не раз сталкивала с Сержем.

Однажды, после смерти в автокатастрофе моих родителей, столкнула так, что и представить было бы невозможно.

Его родители тоже эмигрировали в Маленькую страну после русской революции.

***

Я остановился у его дома – небольшого коттеджа на самой окраине города.

Пройдя в полной темноте через заброшенный сад по неубранной дорожке, хрустя сухими ветками, постучал в дверь.

Дверь распахнулась, в проеме подсвеченная сзади светом из гостиной появилась сгорбленная фигура Сержа:

– Ты? – буднично прозвучал его голос. Он говорил по-русски. – Не ожидал так быстро.

– А что ты ожидал?

– Ничего, – он отвернулся и, шаркая подошвами, удалился вглубь дома.

Я последовал за ним.

Гостиная была захламлена. На креслах набросаны газеты, на столе бутылки, стаканы, на тумбочке под торшером куски глины, грязный гончарный круг, ковер истерт и заляпан какими-то жирными пятнами, на подоконнике горшки с завядшими, засохшими цветами, окурки везде – в пепельнице, в стакане, в тарелке с недоеденной пищей.

– Пить будешь? – спросил хозяин.

– Да.

– Что?

– Скотч. Извини я не настолько русский, чтобы пить водку. Так и не привык к ней.

– Как хочешь. Ты так и не стал мужиком.

Он вышел, вскоре вернулся с бутылкой виски, протянул мне:

– Сам наливай.

– Окей. Давай перейдем на французский. После смерти родителей я не имел русскоязычной практики. Могу тебя не точно понять. Разговор-то будет серьезный.

– Как скажешь, – он не сел, а почти упал в кресло около торшера, отхлебнул из стакана прозрачную жидкость, закурил.

Я сел напротив, внимательно разглядывая его морщинистое лицо, грязные, редкие седые длинные волосы, как обычно, стянутые на затылке в хвостик, выцветшие глаза, подрагивающие руки.

– Знаешь, что это? – я вытащил из кармана флэшку.

Он взял со столика торшера очки, вытянул из брюк подол рубашки, протер им стекла, водрузил очки на нос:

– Что-то от компьютера.

– Да. Это память, тут запись с видеокамер, которые стоят на доме Марты. Ты знал о них?

– Нет. Когда я там жил таких штук еще не было. По-моему, этого не было и при тебе.

– Появились еще при мне. Ты знаешь, что тут записано?

– Если это запись сегодняшняя, то знаю.

Он не продолжал, он выжидал.

Глядя на этого старика восьмидесяти пяти лет, мне было трудно представить, что именно с этим человеком мы на пикниках, которые устраивали мои родители, соревновались в прыжках в воду, гонялись по лесу, играя в погоню, спорили, кто точнее бросит дротик. Он тогда, будучи старше на несколько лет моего отца, производил впечатление абсолютного подростка, особенно рядом с моим всегда серьезным и рассудительным родителем.

– Ты расскажешь мне? – нарушил я молчание.

– А ты поймешь?

– Постараюсь.

– Тут старание не поможет. Тут надо что-то большее.

– Ты о чем?

– Знаешь, мальчик, есть такое состояние души у человека, которое принято называть любовью.

– Серж, ты хочешь пофилософствовать? Давай поговорим

о фактах и событиях.

– Знаешь ли, в каждом факте и событии есть много смыслов и значений, которые могут быть совсем разные. Они могут противоречить друг другу в понимании разных людей. Они могут просто быть несовместимы. Я всю жизнь ждал, что она меня позовет. Я знал, что это произойдет. Иначе не было бы смысла дальше существовать. И вот сегодня она позвала меня. Она позвала меня, а не тебя. Ты чувствуешь разницу? В этот момент она позвала меня.

– Расскажи, что произошло?

– Ты думаешь, можно так просто сказать, что произошло? Это произошло не сегодня, сегодня завершилось то, что происходило всю нашу жизнь. Сегодня эта жизнь погасла.

***

Я вспомнил, как мама нашла в моем столе стопки фотографий Марты. На маму было страшно смотреть, она кричала, она убеждала меня, что надо идти к психологу, что это проблемы переходного возраста. Я тогда ничего не хотел слушать, я с замиранием сердца смотрел, как мама рвала фотографии.

Серж всегда появлялся в нашем доме один.

Потом, много позже, я спросил его, почему он не приводил к нам жену. Серж объяснил. Рассказал, что однажды они были в одной компании, еще до моего рождения, – он с Мар-

той и мои родители – тогда мой отец буквально потерял дар речи, не мог оторвать взгляда от жены друга. После этого мама поставила условие, которое исполнялось.

А потом эти фотографии в моем столе.

Мои родители погибли, когда мне было двадцать пять, я только начинал после Университета карьеру адвоката, мечтаю стать в этой области великим и знаменитым.

На похоронах Серж не отходил от меня, он был, как ангел-хранитель, он отвлекал, он оберегал, он просто окутал меня. Всю жизнь буду благодарен ему за ту заботу. А потом...

А потом он пригласил меня к себе домой. И там я впервые узнал, что любовь всей моей жизни – его жена. Я не мог скрыть своих чувств, вел себя как паралитик, как только она появлялась в комнате.

А дальше...

Серж, когда лет двадцать назад он опять появился в моей жизни – спивающийся оформитель витрин магазинов, вместо недавнего кумира художественных выставок Европы, допивая вторую бутылку, втолковывал мне:

– Вадим, все же просто. Возраст, ей тогда был уже полтинник, звездность закатывается, надо встряхнуть публику, возобновить интерес, выйти на первые полосы газет. А тут ты, слюни до пола. Просто подарок! Вот он повод для всех папарацци – молодой муж звезды. Про вас же тогда только ленивый не писал, не обсуждал.

Наш брак с Мартой длился пять лет.

Это было трудное время. Мне не хватало сил – бесконечные приемы, тусовки богемы, и везде надо быть на высоте.

Марта поражала меня – бесконечные косметологи, пластические хирурги, съемки, спектакли, интервью, спорт, процедуры, приемы, ежедневны секс, по ее мнению, лучшее средство для омоложения организма, косметологи, пластические хирурги, съемки...

Постепенно пришло понимание – я некая деталь антуража.

А потом я познакомился с Марией, все встало на места в моем сознании, и я ушел. Ушел от Марты, ушел из адвокатуры, перешел в уголовную полицию. Я полностью сменил свою жизнь.

Но и в дальнейшем я никогда не пропускал премьеры нового фильма с Мартой, или нового спектакля с ней.

Это было поразительно. Еще лет пятнадцать-восемнадцать назад, она позволяла себе играть в театре юных девиц, кинематограф с его крупными планами, конечно, такого не допускал, но, тем не менее, молодых, тридцати пяти-сорока лет женщин она легко играла и в кино.

Потому, когда ей исполнилось шестьдесят пять, она снова всколыхнула прессу, выйдя замуж за двадцатилетнего парня. Брак продержался два года. Злые языки утверждают, что это стоило ей солидной части сбережений.

В последние лет пять она начала вести на телевидении

программу «Суть искусства», которая привлекала к экрану очень многих. Уж не знаю, сама ли она писала сценарии программ, или кто-то другой, но вела она их потрясающе, было не оторваться от экрана. Она играла эти программы просто прекрасно, а то, что она знала лично почти всех героев программ, добавляло некую ауру доверительности, оттенок мемуаров, воспоминаний.

Программы выходили вечером последней субботы каждого месяца, судя по набору рекламы в ее рамках, можно судить, что рейтинг зашкаливал.

Последняя из этих программ вышла две недели назад.

***

– Погасла или погасили? – прервал я затянувшееся молчание. – Серж, расскажи, что сегодня произошло в доме Марты.

– Сегодня? – он посмотрел на меня пустым взглядом, казалось, он мыслями был где-то далеко.

– Да, сегодня. Очнись. Алле, Серж, мы здесь, сегодня две тысячи семнадцатый.

– Не ерничай. Я еще в своем уме.

– Тогда рассказывай. На этой флэшке записано, как ты приходишь к Марте, а перед твоим уходом звучат два выстрела. Почему два? Она же покончила с собой. Зачем второй выстрел.

– Нет! Она не совершала самоубийство! Нет! Это я убил ее!

– Не бредь. Неужели ты меня хочешь убедить, что это не ты снял с ее правой руки перчатку со следами пороха, а потом натянул другую. Ты натянул ее неаккуратно, Марта себе такого бы не позволила. Это, во-первых... Вернее, во-вторых. Во-первых, ты бы никогда не смог ее убить. Серж, мне-то не ври. Рассказывай.

Он закрыл лицо ладонями и сидел так довольно долго, потом опустил руки, беспомощно огляделся, поднял пустой стакан, поставил на место, потянулся к пачке, потряс ее, удостоверился, что и она пуста, бросил на пол, поднял взгляд на меня:

– Я тебя презираю и люблю одновременно. Пойми, у нас... у меня никогда не было детей. Я надеялся, что... Я хотел верить, что ты сможешь стать... Я не знаю, что было больнее – ее предательство или твоя глупость. Это всего лишь глупость, это...

Он опять замолчал, я не нарушал молчание.

Серж с трудом выбрался из кресла, растерянно огляделся, вышел на кухню, вернулся с бутылкой и пачкой сигарет. Налил, выпил, закурил и заговорил:

– Ей два года назад поставили диагноз – рак кожи. И это на лице. Было все уже поздно. Ей сказали, что проявится это через год или около того. Это был крах. Ты же знаешь, что для нее внешность и вся эта трюха. Она работала, как

вол, она за несколько месяцев отсняла свои телевизионные программы на два года вперед. Это был адский труд! Тебе не представить. Мне не представить. Она хотела продлить свое присутствие на экране, как можно дольше. Ее жизнь – это экран, сцена, зрители, поклонники, восхищение, зависть, молодость, вечность... На эту карту была поставлена вся жизнь. И вот... Ее никто не должен был видеть в таком виде. Она заранее, постепенно перестроила жизнь. Только телефон. Заказ продуктов. Привозят, забирают деньги, ее не видят. Повариха приходит, готовит и уходит. Уборщица приходит и убирает комнаты в определенном порядке, чтобы Марта могла все время находиться в следующей комнате. Это жуть! В какой-то момент она поняла, что это все бессмысленно. Она все равно не сможет появиться на... Для нее забвение оказалось страшнее смерти...

Он опять выпил.

– Тогда она решилась. Она все подготовила. Договорилась с фирмой. Не сомневайся, в гробу она будет выглядеть прекрасной и юной. Эта последняя роль ей, несомненно, удалась.

Пауза.

– Она решилась, но звезда не может проявить слабость, она не может сдаться, она не может сломаться. Она вызывала меня. Я должен был забрать оружие, чтобы все выглядело, как убийство. Она специально сначала выстрелила в диван, будто за ней охотились и попали не сразу. Потом я дол-

жен был забрать перчатку. Чтобы никаких сомнений в ее силе, в ее упорстве. Никакой слабости. Потом я должен был вызвать полицию, чтобы труп быстро нашли, ты же понимаешь – теплый климат. Потом еще позвонить надо было ее адвокату, чтобы он вам не дал все выболтать прессе. Нельзя было допустить фотографий с этими язвами. Ты же понимаешь?

Он помолчал и спросил:

– Ты это хотел слышать?

– Да. Вы, как малые дети! Этот выстрел в диван, а потом в упор. Бред. А записи с видеокамер? А звонки в полицию и адвокату. Это какая-то оперетта. Это не убийство, а какой-то балаган.

– Ну, об этом мы как-то не подумали, – он растерянно смотрел на меня.

– Где пистолет?

– У меня.

– Перчатка?

Он кивнул на камин:

– Сжег.

– Неси пистолет.

Он, опираясь обеими руками о подлокотники, встал со второй попытки, прошаркал в соседнюю комнату, вернулся, держа в руках короткоствольный револьвер. Я вынул из внутреннего кармана пиджака пластиковый пакет, открыл, Серж опустил в него пистолет, я бросил туда же фл-

эшку.

– Что же теперь? – спросил хозяин дома.

– Не знаю. Вы перемудрили.

– Но это нельзя признать самоубийством. Ты ж понимаешь, я не могу так обмануть ее доверие.

– Не знаю, – я поднялся и двинулся к двери.

– Слышишь ты, – крикнул он мне в спину, – если что, то я признаюсь, что это я ее убил! Там мои отпечатки, я на записи, и у меня был мотив!

– Какой? – обернулся я.

– Ревность! – громко крикнул Серж, но голос неожиданно сорвался.

Я ничего не сказал и вышел.

***

Утром я заехал на кладбище, на могилу родителей, давно уже здесь не был.

Положил цветы, постоял, вспоминая, как обычно, что-то приятное из нашей совместной жизни.

Потом спустился к парапету над обрывистым берегом изумрудного озера – гордости Маленькой страны, огляделся, вокруг никого, вынул из кармана пакет с пистолетом и флэш-кой, размахнулся и забросил его, как можно дальше, в спокойную утреннюю гладь.

Вышел за ворота кладбища, сел в автомобиль, поехал

в Управление.

В коридоре у комнаты инспекторов сидел Серж.

– Что ты тут делаешь? – изумился я.

– Я пришел дать признательные показания об убийстве, но не знаю к кому надо обращаться, – растерянно ответил он.

– Зайди ко мне.

В кабинете я усадил его на стул перед своим столом, сам сел напротив:

– Месье Протасов, я уполномочен вам официально заявить, что следствие по делу об убийстве вашей прежней жены будет проведено самым тщательным образом. Сейчас все силы направлены на поиск убийцы. Обо всех успехах расследования я буду вас лично извещать. Мы понимаем всю ответственность данного дела в силу значимости личности мадам Лингерн и ее вклада в развитие культуры нашей страны.

Глава 2. Полтергейст

Марио позвонил в пятницу около полудня:

– Привет, Вадим. Как поживаешь?

– Привет. Спасибо, все нормально. А ты как?

Он, не отвечая, словно, не заметив мой вопрос, продолжал, как артист, который заучил роль и боится забыть свои слова:

– Ты бы не мог ко мне приехать? У меня тут что-то странное, то есть возникают проблемы. Я надеюсь, что ты сможешь помочь мне с ними справиться. То есть, я надеюсь, ты сможешь разобраться, – он явно сильно волновался, говорил не так, как обычно, торопился, повторялся.

– Хорошо, не волнуйся, я могу приехать завтра.

– Спасибо. Я буду ждать. Пока.

– Пока.

Он меня, с одной стороны, немного напугал своим волнением, а с другой, порадовал.

Возраст не способствует излишнему энтузиазму и легкости на подъем. С каждым годом все проще удается найти повод что-то не сделать вместо того, чтобы исполнить свое желание.

Я бы согласился поехать к Марио и без его путанной речи, просто чтобы еще раз побывать в этом чудесном городе, вдохнуть его свежий воздух, насладиться его волшебной ат-

мосферой, погрузиться в прекрасные воспоминания.

Познакомился я с Бергамо, когда ушел от Марты, а Мария уехала на полтора года в Италию заканчивать свою диссертацию в архиве Верхнего Города.

Я тогда каждую пятницу после работы садился за руль и ехал в Бергамо, чтобы уже рано утром обнять Марию, провести с ней два незабываемых дня, а в воскресенье вечером отправиться назад и успеть к началу первого рабочего дня очередной недели.

В те годы я был молод и безумно влюблен, что по сравнению с этим пара бессонных ночей – просто мелочь, о которой даже не стоило задумываться.

Позже, уже после того, что случилось с Марией, я был три раза в Бергамо на полицейских конференциях-семинарах, которые задумывались для обмена опытом между правоохранительными органами европейских стран, а на деле превращались в некую профессиональную тусовку, которая позволяла обзавестись связями и знакомствами в соседних странах.

Не так велика Европа, частенько при расследовании очередного дела приходится обращаться за помощью к коллегам в соседней стране. А это гораздо приятнее и легче делать, если за голосом, звучащим из телефонной трубки, ты видишь хорошо знакомый образ собеседника, с которым на конференциях выпит не один бокал, личная жизнь которого хорошо знакома, по его же рассказам, гримасу которого по пово-

ду твоей просьбы затратить дополнительные усилия ты прекрасно представляешь.

В этот раз я не стал срывать в ночь, выспался и в субботу не очень рано стартовал.

Дорога, как обычно, заняла около шести часов.

Уже к четырем я въехал на вокзальную площадь Бергамо, повернул налево на улицу Папы Джованни, проехав перекресток с Палеокапа, припарковался, вышел из машины, пересек улицу и зашел в ту самую кофейню, куда являлся каждое утро, когда приезжал к Марии.

Удивительно, ничто не изменилось, только постарел хозяин, а тот его малолетний сын, который когда-то суетился рядом с отцом, превратился в очень солидного молодого мужчину, но не узнать его было невозможно – те же веселые, искрящиеся карие глаза.

Я заказал эспрессо.

Нельзя приехать в Италию и не пить при каждой возможности кофе.

Наверное, я так и не разрешу мучающую меня загадку, почему кофе только в этой стране настолько прекрасен? Ни здесь, ни в одной иной европейской стране кофе не растет, кофе-машины везде стоят одинаковые, но нигде больше этот напиток не обретает такой ни с чем несравнимый аромат и очарование. Может просто итальянский воздух примешивается к заварке и создает что-то неповторимое, неподражаемое, а может этому способствует всеобщее поклонение мест-

ных жителей чашечке черного напитка.

Не посмев лишить себя удовольствия проехать под стенами Верхнего Города, я сделал петлю, но уже минут через двадцать остановился у домика Марио на окраине города.

Он встретил меня в дверях, пожал руку и гостеприимно отступил вглубь помещения.

– Спасибо, что приехал. Хотя чувствую себя виноватым, может и не стоило разводить панику. Что-то нервы сдали.

– Марио, расскажи, что случилось?

– Вадим, проходи. Потом. Все потом. Ты извини, даже теперь стыдно признаваться в своих страхах и волнениях. Выпьешь?

– Да.

Прошел в гостиную, сел в кресло.

Я уже бывал в доме у Марио, как и он в моей квартире в Маленькой стране с видом на наше знаменитое озеро.

Познакомились мы несколько лет назад на побережье, в Тиррениа, под Пизой, где проводили свои отпуска.

Я не очень часто выезжаю в отпуск на курорты, но, если позволяю себе это, то предпочитаю курорты рядом с Пизой, это мои любимые места для безделья – красиво и комфортно.

Там мы столкнулись с Марио, познакомились, очень хорошо проводили время. Он был лет на пятнадцать младше меня, но, несмотря на это, мы на удивление легко находили темы для бесед, очень хорошо понимали друг друга, я бы даже

сказал – подружился. В то лето он имел роман с некой Джинной, но днем с радостью сбегал от нее, отправляясь со мной на прогулку в Пизу или в поездку в мой любимый городок Лукка. Пару раз съездили даже во Флоренцию.

Марио объяснял:

– Вадим, она тупа, как пробка, но в постели богиня. Ни одной ночи с ней не пропущу, но днем – это выше моих сил. Я люблю общение, а с ней... Даже не знаю, что сказать. Обожаю курортные романы. Никаких обязательств, никаких последствий. Порой везет, и попадаютсся дамы, с которыми интересно и днем. Но в этот раз какой-то просто ужас!

После того лета мы с Марио созванивались, переписывались, несколько раз он приезжал ко мне в гости, я знакомил его с достопримечательностями Маленькой страны, пару раз я бывал у него, воспринимая эти поездки, как подарок – встреча с Бергамо.

Мы никогда не обсуждали наши жизни, не делились воспоминаниями или чем-то личным, всегда находились и без этого интересные темы для бесед и споров.

В этот раз, как я понял, что-то изменилось, и наша встреча определилась просьбой Марио, так или иначе, вмешаться в его жизнь.

– Марио, что случилось? – я поставил стакан на подлокотник кресла.

– Вадим, я весь в сомнениях.

– Не томи.

– Мне кажется, за мной следят. У меня ощущение, что кто-то в мое отсутствие бывает в моем доме.

– Откуда такие выводы?

– Я стал замечать в последние дни, что некоторые вещи меняют свое место во время моего отсутствия, – он явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Ты пойми правильно, я не паникую, но иногда не могу найти записную книжку, которая всегда лежит на письменном столе. Не смотри с удивлением, в этом плане я старомоден, люблю все записывать на бумагу, как-то с недоверием отношусь ко всяким программам-планировщикам в компьютере. Все веду в своем еженедельнике. И вот три дня назад не мог его найти. Решил, что оставил на работе, а потом обнаружил его на кухне в шкафу с бокалами. Вчера, перед тем как тебе звонить, обнаружил, что с рояля, – он кивнул на инструмент, стоявший у окна, – пропали фотографии родителей. Эти снимки я так и не нашел.

Я встал и подошел к роялю.

На его крышке были расставлены фотографии в деревянных рамках. Вот Марио – маленький ребенок, вот какие-то черно-белые снимки пожилых людей, вот фото красивых морских побережий, а между ними оставленные на давно не протираемой пыли отпечатки еще двух рамок.

– Видишь? – голос Марио дрогнул.

– Да. А что ты говорил про слезку?

– Даже не знаю, прав ли я. Но, когда начались эти странно-

сти дома, я начал, как бы это сказать, оборачиваться на улице и везде, где был. Мне кажется, я несколько раз видел одну и ту же машину за своей. Мне кажется, она несколько дней ездила за мной.

– У тебя пропало что-нибудь ценное из дома?

– Нет. Ничего не пропало, кроме фото родителей.

Но некоторые вещи несколько раз поменяли свое место.

– У тебя есть дома ценности?

– Нет. Самое ценное – это коллекция вина в подвале. Чтобы ее похитить, надо нанять грузовик.

– А ты часто пользуешься этой коллекцией?

– Вадим! – от возмущения он даже замер. – Ты же знаешь, я очень воздержан в этом плане!

– Извини, Марио, это профессиональная привычка задавать глупые вопросы, чтобы скрыть отсутствие нужных. Следовательно не должен делать пауз, это вызывает недоверие к его способностям.

Я вернулся в кресло:

– Что ты хочешь от меня?

– Если честно, то хочу, чтобы ты нашел правдоподобное объяснение всему этому и убедил меня в нем.

– Что ж, вполне такое логичное и понятное желание. Я его разделяю. Но... Но, Марио, я не Шерлок Холмс и даже не комиссар Мегре. Их времена прошли. Сейчас все решает наука. Сняли отпечатки, провели спектральный анализ, обработали кадры с видеокамер, записали все это в компьютер,

и он вам распечатал имя преступника, список мотивов и доказательств.

– Смеешься?

– Отнюдь. Я говорю печальную правду. Дедукция ушла в литературу, если она когда-нибудь и существовала в следственном деле. Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, почему ты не можешь вспомнить, куда переставил или переложил свои вещи?

– Ты мне не веришь.

– Абсолютно верю. Я сам вижу, что на рояле отсутствуют снимки, которые там недавно стояли. Сразу предупреждаю, я не верю в призраки и в полтергейст. Прими это, как аксиому. Глядя на тебя, у меня возникает мысль, что ты готов во все это поверить. Это так?

– Я не знаю, что думать.

– Ты сильно устаешь в последнее время? Как у тебя дела на работе? Ты влюбился?

– Я не влюбился и не собираюсь этим грехом страдать...

– Я бы не назвал это грехом.

– На работе все хорошо, даже очень. Я сейчас планирую выиграть очень важный тендер.

– Какой?

– Реставрация Санта-Мария-Маджоре.

– Что это?

– Храм двенадцатого века в Верхнем Городе.

– Удивительно, мы столько лет знакомы, а я не знал, что

ты связан со строительством.

– Не со строительством. У меня реставрационная компания, я ее создал уже больше десяти лет назад. Я выигрывал тендеры даже в Милане. Я очень известен в этом бизнесе.

– А с этим храмом в Верхнем Городе, это очень выгодно?

– Да.

– Конкуренты?

– Конечно.

– Много?

– Несколько. Но основной – один.

– А что будет с твоей компанией, если с тобой что-то случится?

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Не бери в голову, я просто строю предположения.

Так что?

– Не знаю. Я единственный владелец. Я холост, как и ты, ты же знаешь, детей у меня нет, то есть наследников.

– Понятно.

– И что из этого следует?

– Ничего, кроме того, что я ничего не ел с утра.

– Ох, Вадим, извини. Я даже не подумал, что ты с дороги.

Пойдем, поужинаем.

– С удовольствием.

– Я предлагаю...

– Нет, не предлагай. В этом городе для меня существует только Ла Брускетта.

– Не могу не разделить твой вкус.

Этот подвальный ресторанчик на углу Папы Джованни и Альдзано я знал много лет и ничего лучше не мог найти – простецкий антураж и великолепная кухня. Порой, чтобы попасть в него, даже выстаивал длинные очереди на улице, рассматривая витрины находившегося рядом магазина муранского стекла.

В этот раз мы подъехали к ресторану, когда еще не настало время основного наплыва субботних посетителей, спустились в подвал и прошли в зал через кухню. Такова уж «фишка» этого заведения – каждый клиент может при желании посмотреть, как и из чего готовится его блюдо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.